

Глава 6. Мастерство дуэли.

5 июня 1995 года. Поместье Делакуров.

Завтрак стал для меня очередным поворотным моментом — Делакур-старший и Киаран объявили, что, если уж я собираюсь убивать Темного лорда или хотя бы сохранить собственную жизнь, — мне нужно учиться боевой магии. Жан-Клод отвел нас в дуэльный зал поместья. Попытавшиеся было последовать за нами девушки были любезно отправлены главой семейства к матери, потому что «их присутствие заставит тренирующихся мужчин больше думать о женской красоте, а не о поединках». Захихикавшая в ладошку Габриель и улыбнувшаяся отцовскому комплименту Флёр позволили Мари увести себя в другую часть здания.

Тренировочный зал поместья сильно отличался от виденного мной зала для занятий Защитой от темных искусств в Хогвартсе. Большое помещение, с висящими на стенах магическими факелами, дающими колеблющийся таинственный свет, вмурованные по углам комнаты громадные валуны, изрезанные какими-то неразличимыми в сумраке рунами, рунические же круги на полу, стенах и потолке.

Жан-Клод подошел к одному из валунов, достал палочку и выписал в воздухе какой-то замысловатый жест. Повинуясь приказу хозяина поместья, руны на боку валуна засветились слабым красноватым светом, потом свечение распространилось на другие камни и рунические круги потолка и стен. Я в немом восторге рассматривал таинственную комнату — ничего более красивого сходу вспомнить не получалось, кроме разве что того Хогвартса, который впервые видят ученики с берега озера на первом курсе.

— Мистер Поттер, эта комната — одно из двух наиболее важных помещений в любом родовом замке или доме. И одна из двух же, содержащих в себе наиболее сложные и мощные чары. Первая комната — сердце родового замка — нам еще не скоро понадобится, так что пока можете просто про неё забыть, а на этой комнате лежат сложные, многослойные заклинания, которые позволяют использовать здесь сильные боевые чары, не боясь нечаянно убить оппонента пробившим защиту ударом. Естественно, это не относится к Непростительным заклинаниям, а также заклинаниям, бросаемым магом уровня Темного лорда или Дамблдора на пределе сил — в этом случае защита немного ослабит удар, но оппонент все равно будет поражен. Поэтому в дальнейшем, по мере продвижения вашего обучения, когда ваша магическая сила и способности будут расти, имейте этот факт в виду.

— А сейчас предлагаю устроить небольшую вступительную дуэль, чтобы выяснить, чем необходимо заняться в первую очередь. — Киаран отошел в дальний угол зала, вытаскивая палочку из рукава. Жан-Клод быстро отодвинулся с возможной линии огня, тоже достав палочку.

Встав ближе к центру зала, я поклонился своему оппоненту — пожалуй, единственное, что удалось вынести с уроков «дуэльного мастерства» фанфарона Златопуста, непобедимого лишь по части бахвальства. Ответный поклон аврора был таким же четким, в следующий миг в мою сторону полетел самый простой Stupefy, наполненный энергией под завязку. Не успев поставить щит, я был вынужден уклоняться, благодаря небеса за натренированную квиддичем реакцию. Следующее заклинание разбилось о наконец выставленный щит, но сила удара была настолько велика, что оба заклинания развеялись, и луч Petrificus, отправленный аврором, пролетел над моей головой, а я наконец уловил мгновение для ответного удара. Киаран изящно ушел от моей попытки выбить палочку, и новый Stupefy бросил меня на каменные плиты. В этот момент я на своем опыте оценил как преимущества дуэльного зала, не давшего мне потерять сознание от Оглушающего, так и силу моего противника, не напрягаясь, победившего

меня, используя только самые простые заклинания. Я поднялся с полу с горящими от стыда щеками. Так позорно проиграть, практически без сопротивления!

— Ну что я могу сказать... — Киаран слегка поморщился. — Учитывая уже ставшую легендарной некомпетентность преподавателей Защиты в Хогвартсе и то, что вы не имели возможности, подобно другим наследникам благородных родов, получать индивидуальные уроки во время каникул... То неплохо.

— Реакция довольно неплоха, — поддержал его наблюдавший за нашей краткой дуэлью Жан-Клод. — Видимо, дает о себе знать ваше увлечение квиддичем. А вот знание заклинаний... Впрочем, у нас есть время это исправить.

— Значит, программа нашей работы определена... — Киаран что-то чиркал на листе пергамента. — Первое время займемся основными дуэльными заклинаниями и развитием реакции. С реакцией нам помогут девочки — пусть тоже потренируются. А там, смотря от ваших успехов — будем работать с боевой магией и невербальными заклинаниями. А дальше уже загадывать не стоит — неизвестно, сколько времени у нас будет. В любом случае в Хогвартс раньше, чем через полтора года вы не вернетесь.

Дождавшись моего подтверждающего кивка, Киаран убрал палочку, усевшись на выползший из стены каменный выступ.

— Для начала — немного теории. Я заметил, что вы выкрикиваете заклинание во весь голос. Впрочем, этим страдает большинство первокурсников аврорской академии — чем громче крикнешь, тем якобы сильнее брошенное заклинание. Сила вашей магии зависит только от одного фактора — вашего намерения. Смотрите сами.

Киаран снова вытащил палочку и тихо, но очень четко произнес:

— Lumos solem.

Вырвавшийся из его палочки бледный сноп света чуть разогнал тени на противоположном конце зала.

— А теперь то же самое, но волей вкладывая максимум силы. Lumos solem.

Ярчайший поток лучей осветил дальний угол комнаты, словно магловский прожектор.

— В этом вся разница. Главное — намерение человека и уверенность в том, что заклинание сработает именно так, как нужно. Единственное, пожалуй, исключение, это пресловутая Avada Kedavra — запрещенное заклинание смерти. Оно требует фиксированного количества силы и больше зависит от намерения убивать, иначе не получится даже у самого сильного, но доброго волшебника. А вот Круциатус — зависит не только от желания причинить боль, но и от вложенной силы. Впрочем, непростительными заклинаниями мы с вами займемся еще не скоро. — Поймав мой удивленный взгляд, аврор усмехнулся. — Держу пари, вы только сейчас начинаете понимать, что мы будем изучать на наших уроках. Я не идеалист вроде Дамблдора, так что деление на темную и светлую магию — не по мне. По мне так лучше быстро и эффективно убить противника, чем разглагольствовать о том, что есть заклинания, которые нельзя применять даже при смертельной угрозе. Опять же, все зависит от намерения. Боль причинить можно не только круциатусом, но и десятком не запрещенных заклинаний светлой магии, равно как и убить. А теперь давайте поработаем над вложением силы.

Повинуясь жесту мага, я поднял палочку и попытался создать простейший Lumos. Огонек

средней силы возник на конце моей палочки.

— Теперь закрой глаза и попробуй почувствовать, как сила проходит через тебя, чтобы зажечь этот огонь. — В процессе обучения аврор непринужденно перешел на «ты». — Создавай и гаси свет до тех пор, пока не почувствуешь разницу.

Аврор замолк, отойдя в сторону. А я так и остался стоять с закрытыми глазами, одно за другим произнося заклинания.

— Lumos, — слабое свечение на конце палочки, едва пробивающееся сквозь сомкнутые веки.

— Nox, — огонек исчезает.

— Lumos, — вспышка.

— Nox, — снова темнота.

— Lumos, — огонек чуть ярче, но разница почти незаметна.

— Nox, — комната окутывается сумраком.

— Lumos.

— Nox.

— Lumos.

— Nox.

— Lumos.

Постепенно внутри разгорался гнев. На себя, неспособного понять простейший, по словам аврора, приём, на Киарана, который отошел в сторону и читает какой-то старый манускрипт. На Дамблдора, желающего, чтобы я убил Темного лорда, но не обучившего меня ничему, даже такой малости, как я только что узнал.

— Lumos!!! — огонь на конце палочки осветил всю комнату, но аврор покачал головой.

— Сейчас ты снова прокричал заклинание, но я просил не об этом. Ты почувствовал что-то, когда сейчас создал свет?

— Мне показалось, как через палочку от руки пошел какой-то ощутимый ветерок.

— Вот! А сейчас попробуй сделать то же самое тихо, но волей направить в палочку настоящий ураган. Только используй Lumos solem, а то мы ослепнем, если у тебя получится. И не направляй палочку на меня и Жана — это заклинание может не только создавать луч по типу прожектора, но и выжечь сетчатку, для чего и преподается в аврорской академии.

Закрыв глаза, я постарался воспроизвести это ощущение, как будто ураган проходит в палочку из моей руки.

— Lumos solem.

— Очень хорошо, а теперь посмотри, что осталось от твоего заклинания на другой стене. —

Аврор выглядел очень довольным.

Подойдя к противоположной стене, я увидел четкий выжженный на камне кружок от моего заклинания.

— Такой выжженный круг означает, что маг обладает большой силой, вложенной до максимума в это заклинание. То есть ты вложил в него сейчас всю энергию, проходящую через тело и ауру. Со временем это количество, твоя, хм, пропускная способность, как сказали бы маглы, будет расти. Но более подробно об этом позже.

— Теперь вложи в это заклинание меньше сил, примерно как в последний Люмос.

— *Lumos solem.* — Довольно бледный луч осветил противоположную стену, но ничего подобного предыдущему обжигающему потоку не произошло.

— Это одно из основополагающих умений настоящего боевого мага. Даже самое простое заклинание, вовремя примененное с необходимой силой, может решить исход боя в твою пользу. Например, *Aquamanti*, которым в школе учат наполнять водой стакан или умываться, если рядом нет ванны, при достаточном вложении силы может снести нападающего с ног потоком воды. Люмос Солем — выжечь сетчатку, плюс болевой шок, банальное заклятье пляски, изучаемое на первом курсе — вызывает судорогу ножных мышц и острую боль.

Я внимательно слушал аврора, пораженный открывающимся передо мной горизонтом новых знаний.

— В итоге всё опять же упирается в намерение колдующего.

— А темные заклинания? Как намерение влияет на них? — Я пока еще не до конца понимал, что же хочет рассказать аврор.

— Именно по этой причине большинство темных заклинаний сейчас находится под запретом. Их использование зачастую базируется на желании причинить боль, убить. А это затягивает, знаешь ли... Аристократы, которые изучают эти заклинания с детства, прекрасно знают о вреде темной магии для человека, и учатся бороться с искушением темной стороны магии, но владеть этими заклинаниями и наслаждаться их применением, тем более против неподготовленного противника — две большие разницы. Политика же Министерств во всех странах попросту запрещать без объяснений все заклинания темной магии приводит к тому, что большинство рядовых магов не знают о причине такого запрета, но охотно покупают запрещенные сборники заклятий, не понимая всего возможного вреда, прежде всего для самих себя.

— То есть, зная о возможной опасности темных заклинаний для колдующего, человек может использовать их в бою безбоязненно?

— Именно так. Желать противнику испытать боль или умереть, что входит у аристократов в обучение дуэлям с использованием темной магии — это одно. Но если изучать запрещенные заклятья без понимания этого элементарного факта — то постепенно начинаешь наслаждаться чужой болью. В этом вся разница между темным и черным магом. Темный маг может убить, желая смерти противнику, черный маг — смертью врага наслаждается, и в конечном итоге для него исчезает вопрос, кого убивать: мужчину, женщину, ребенка. Вот это уже настоящие твари, недостойные жизни. — Аврор посмотрел в мои широко распахнутые глаза и добавил. — Но в Аврорате таких нет, сам понимаешь.

— А теперь, — аврор отошел от меня на полкомнаты. — Я буду создавать щит, а ты попытайся пробить его *Expelliarmus*, постепенно наращивая силу.

Аврор махнул палочкой, вызывая обычный *Protego*, тонким золотым полотнищем повисший между нами.

— *Expelliarmus*. — Бледно-красный луч полетел в сторону моего учителя и безвредно растворился в щите.

Тонкий ручеек силы в руке: — *Expelliarmus*. — луч уже ярче, но точно так же бессильно погас.

Ручей наполнился водой, побежал быстрее: — *Expelliarmus*. — насыщенный яркий луч сдвинул выставленный щит на пару шагов, и аврор взмахом палочки обновил заклинание.

Полноводная река струится в мою палочку: — *Expelliarmus*. — толстый луч пробил ярко вспыхнувшую защиту, и палочка аврора вырвалась из его руки. Сам Киаран, сделав в воздухе сальто, приземлился на ноги, и я снова вспомнил неуклюжий полет Локонса до ближайшей стены от такого же заклинания Снейпа.

— Вот примерно об этом я и говорил. — Киаран взмахом руки призвал к себе палочку, пряча её на ходу в нарукавные ножны. — На сегодня урок закончен, мой юный ученик. — Он улыбнулся, хлопнув меня по плечу. — В тебе много сил, главное, — научись ими управлять.

Вернувшись в свою комнату и посмотрев на старинные напольные часы, я обнаружил, что время приближается к обеду. Наскоро приняв душ, поскольку, как оказалось, моя одежда пропахла потом, я переоделся в чистое, обнаружив, что по моим меркам и выкладкам Анри домовые эльфы или работники какого-то ателье изготовили целую гору одежды, забивавшей теперь весь мой шкаф. Услышав звуки гонга, приглашающего обитателей особняка на обед, я направился вниз.

В коридоре из какого-то ответвления рядом со мной выпорхнула яркой бабочкой Флёр, сверкнув белозубой улыбкой, девушка подхватила меня под руку и пошла рядом, как будто мы прогуливаемся по улице в окружении блистательных дам и кавалеров. Я невольно позавидовал человеку, жизнь которого будет украшать эта замечательная девушка.

Вечер того же дня. Кабинет Дамблдора в Хогвартсе.

Летний вечер Директора Школы Чародейства и Волшебства, Председателя международной конфедерации магов, Главы Визенгамота и просто Великого Светлого волшебника Альбуса Персиваля Вулфрика Брайана Дамблдора проходил очень спокойно. В отсутствии в замке студентов, а также большей части преподавателей директор наконец-то мог расслабиться, выпить любимого чая, плеснув пару капель сберегаемого пуще счета в Гриннготсе Эликсира жизни, подарка Фламеля на стапятидесятилетие. Поглаживая сидящего на коленях феникса и отхлебывая маленькими глотками ароматный чай, директор наслаждался отдыхом, неспешно раздумывая об итогах года и планах на ближайшее время.

То, что Том все же сумел возродиться — это плохо. Лучше бы он так и оставался бесполезным духом — страшилкой для всей магической Англии. Хотя и его возрождение можно было бы использовать — Поттер ослабит Лорда во время финального боя, а директор добьет, получив славу победителя Вольдеморта, что было бы как нельзя кстати, поскольку слава победителя Гриндевальда постепенно переставала работать на дело.

Старик покачал головой, негодуя, что люди так быстро забыли о великой победе над

Гриндевальдом, залившим кровью всю Европу и часть азиатских стран. Феникс пошевелился в руках директора, издав какое-то курлыкание. Снова расслабившийся волшебник погладил птицу, опять погружаясь в раздумья.

Поттер должен умереть, это однозначно, конкуренты директору на политическом Олимпе были не нужны, а в случае победы над Лордом, мальчишка вполне мог потеснить Светлого мага на всех постах, в том числе в Визенгамоте, вдобавок забрав причитающийся ему по праву рождения голос в совете. Его нужно было немного подучить, чтобы сил мальчика хватило на дуэль с Лордом, но никак не на победу. И вообще, лучше всего плодами славы сможет воспользоваться он, директор, опыт десятков лет жизни позволит принести гораздо больше пользы Англии, чем знания неоперившегося мальчишки. Так что Поттер должен умереть.

Но умереть он должен красиво, так, чтобы гибель национального героя вызвала резонанс в обществе, панику и безнадежность. А потом Альбус Дамблдор в очередной раз всех спасет.

Главная сложность была в наследстве Поттеров... Мальчик, забитый родственниками, никак не хотел оказывать знаки внимания юной Джиневре Уизли — единственное, за что директор мысленно проклинал Дурслей, так это за полное отсутствие у парня представлений о том, что такое девушки, и для чего они нужны. Если бы Поттер заинтересовался Джинни всерьез, можно было бы устроить помолвку, к сожалению, опекун не имел права на составление брачного контракта, и после смерти героя Джинни, а вместе с ней и пользующийся огромным авторитетом у Уизли директор получают все имеющиеся деньги Поттеров. Оставалось только напоить неуверенного в себе подростка приворотными зельями, для чего Молли Уизли получила от директора немаленьких размеров древний талмуд с рецептурами. В идеале было бы еще как-то убедить чудом выбравшегося из Азкабана Блека спонсировать Орден и иные проекты Альбуса, но... мятежный маг соглашался только на оскорбительные разовые подачки, успешно сопротивляясь деликатным попыткам директора получить доверенность на управление счетами древнейшего рода, пользуясь тем, что Сириус — разыскиваемый преступник и нуждается в надежном представителе.

М-да... Сириус тоже может стать проблемой. Но убрать одного из сильнейших магов, пусть и забросившего наследие своей семьи и лишённого части родовых способностей... Аристократия встанет на дыбы, если этот древний род прервётся, не оставив наследников.

Альбус Дамблдор забросил в рот очередную лимонную дольку и погрузился в легкую меланхолию, вызванную тем, что никто не понимает его желания сделать мир лучше, ведь великая цель, стоящая перед ним, оправдывает все средства.

Печальные раздумья сильнейшего светлого мага столетия были прерваны зафырчавшим камином, выплеснувшим на дорогой персидский ковер изрядную порцию жирного пепла. Подскочивший в кресле директор взмахом палочки спас нежный ворс ковра от уничтожения и только потом посмотрел на позднего визитера.

Иссохшая старушка, Арабелла, его наблюдатель на Тисовой улице, выглядела скорее задумчивой, чем встревоженной. Но даже сам факт её появления в кабинете директора в такой поздний час настораживал, и Альбус с сожалениями простился с мечтой просидеть в кресле у камина с чаем и конфетами всю оставшуюся ночь.

— Простите, что я пришла так поздно, Альбус. Но это долгий и не каминный разговор. — Старушка, повинувшись жесту директора, уселась в подлетевшее к ней мягкое кресло. Еще одна кружка и фарфоровый заварной чайничек по жесту палочки тоже зависли перед ней в воздухе.

— Что случилось, Арабелла, рассказывай, — решил подтолкнуть старую сквибку Дамблдор.

— Сегодня я обратила внимание на то, что Вернон Дурсль, дядя мальчика и брат Гарри, Дадли резко изменились. — Арабелла Фиг отхлебнула ароматного чая, собираясь с мыслями. — Они оба выглядели раньше, как два выброшенных на берег кита, и я все ждала, что Вернон рано или поздно сляжет с инфарктом или инсультом из-за ожирения. А сегодня — они как по волшебству стали стройными и подтянутыми, это не может быть результатом магловского лечения, маглы достигают таких результатов за годы и то без гарантии.

— Ну возможно мальчик взялся за ум и сварил им какое-то зелье...

«— И теперь может привлекаться к ответственности за нарушение тайны волшебного мира... Пусть даже эти маглы являются частью его семьи, и на них не действует данный пункт Статута, но мальчик-то об этом не знает...»

— Это интересно, Арабелла, продолжай дальше. — Директор удовлетворенно покивал, когда еще один кирпичик для влияния на Поттера встал в выстроенную им в голове пирамиду событий и действий.

— Альбус, ты не понимаешь, он ненавидит этих маглов, и ненавидит заслуженно. При всем моем уважении к тебе, эти ужасные люди не место для Мальчика-который-выжил. — Старушка с легким недовольством посмотрела на своего начальника.

— Арабелла, дорогая, ты же знаешь о кровной защите, полученной ребенком от матери... Он должен жить только со своими родственниками, да и его характер в таких условиях только закалится, а не избалуется, как произошло бы, отдай я его в аристократическую семью.

— Проблема в том, что самого Гарри уже несколько дней никто не видел, Альбус. Его и раньше не раз запирали в чулане, и я тебе уже об этом говорила.

— Арабелла, не начинай, пожалуйста, снова, — простонал директор. — Тетя и дядя Гарри никогда не причинят ему вреда, разве что иногда излишне строго к нему относятся.

— В общем, Гарри не выходил на улицу уже четыре дня, Альбус, так что решай сам, что это может значить. — Взъерошенная, похожая на воробья старушка бросила летучий порошок в камин и отправилась домой.

Директор удобнее устроился в кресле, по его лицу расплывалась довольная улыбка. Спустя неделю-другую, когда мальчик станет тосковать по лучшим друзьям, внезапно прекратившим ему писать, надо будет направить в дом Дурслей авроров для освидетельствования того, что ребенок своими поспешными действиями мог выдать существование магического мира. И еще один рычаг воздействия на Избранного будет выкован. А пока — пусть отдыхает с «любящими» родственниками на Тисовой.

Тот же день. Малфой-менор.

Мрачные коридоры, освещенные редко висящими магическими факелами были пустынно и тихо, только кое-где с потолка капала вода. Слабые отблески света и звук шагов неожиданно разорвали многолетнюю тишину самого глубокого подземного уровня в Малфой-меноре.

Люциус Малфой, старательно удерживая на лице и в мыслях вежливое, почти раболепное внимание к своему собеседнику, шел впереди небольшой процессии, которую в родовом замке потомственных аристократов увидеть было практически невозможно. Пятнадцать крупных

мужчин с обесмыслившимися взглядами, отдуваясь, тащили на себе многообразные коробки и сундуки.

Один из грузчиков пошатнулся, и сундук на его плечах стал съезжать, Нотт, шедший позади, выхватил палочку:

— Vingardi... — начал было он, но в коридоре раздался громкий рёв.

— Никакой магии! — В глазах Лорда яснее ясного светилось обещание запытать как нерадивого грузчика, так и аристократа, чуть было не испортившего близко прозвучавшим заклинанием хрупкое содержимое ящика.

В последний момент грузчик успел подхватить свою ношу, не дав сундуку даже удариться о каменный пол.

— Тащ-щ-щите осторожнее, недоумки, — практически шипел на поработанных магией маглов Темный лорд, когда очередной одурманенный Империусом грузчик легонько зацепил тяжелым сундуком за дверной косяк.

— Люциус-с, — тяжелый взгляд человека-рептилии заставил аристократа судорожно укрепить ментальные щиты. — Я не знаю, сколько мне предс-с-тоит провести в этом подземелье. Ты будешь отправлять ко мне человека с едой и питьем каждый день.

— Хорошо, мой лорд, — Малфой поклонился, в мыслях скривившись от отвращения, что его приравнили к прислуге.

— Не кривис-с-сь, — на удивление, Вольдемор не стал бросаться пыточными проклятиями, хотя красные глаза сверкнули яростью. — Никакой магии и тем более магии домовых эльфов не должно быть в этом зале и поблизости.

— Мой господин, позвольте вопрос, — Нотт-старший с обожанием смотрел на своего повелителя, его глаза фанатично блестели.

— Спрашивай, — отстраненно ответил Вольдемор, погружаясь в какие-то свои мысли.

— Что вы хотите сделать, мой лорд? — мужчина склонил голову в ожидании наказания, но его не последовало.

— Что хочу сделать? — Глаза человека-рептилии ярко вспыхнули. — Имбецил-Петтигрю не смог полностью провести ритуал возрождения, у него попросту не хватило с-с-сил.

Волшебники низко поклонились, пряча выражение лиц за упавшими на глаза длинными волосами, но Вольдемор продолжил.

— Я не хочу оставаться смесью с-змеи и человека.

Тяжелая, окованная железными полосами дверь в самом глубоком подземелье Малфой-менора захлопнулась, лязгнув засов.

Волшебники отошли подальше, палочками погоняя перед собой одурманенных маглов. Поднявшись на один уровень выше, туда, где уже было гораздо светлее и свежее, Люциус взмахом палочки завел всех своих «подопечных» в небольшой зал.

— Лорд не говорил, что эти нужны ему живыми, — брезгливо разглядывая простую одежду

маглов, произнес Малфой-старший. — AvadaKedavra.

Первое тело мягко упало на пол. Лицо оказавшегося не в то время не в том месте человека не выражало ничего кроме бесконечного удивления.

— Avada Kedavra. — Луч с палочки Эдмунда Нотта убил еще одного человека.

Спустя минуту все было кончено, тела вповалку лежали на полу.

-Санни! — резко скомандовал Малфой.

Появившийся домовик, закутанный в полотенце с гербом Малфоев, в ужасе зажмурился при виде такого количества мертвых тел.

— Выброси отсюда весь этот мусор, — процедил Люциус. — Яблони в саду давно нуждаются в хорошем удобрении.

Волшебники вышли из комнаты, где стали появляться домовики и тут же исчезать, унося все свидетельства очередного преступления упивающихся из комнаты, за короткое время ставшей братской могилой для тех, кто сегодня стал пропавшим без вести в магловском мире.

— Что ты думаешь обо всем этом? — осторожно спросил Люциус, когда они поднялись на надземный уровень, устроившись в креслах возле жарко горящего камина.

— Повелитель знает, что делает, — флегматично протянул мужчина, раскуривая сигару.

Малфой взял со стола запечатанный множеством смертельных чар сундучок. Любой, на чьей руке не красовался бы змеязыкий черный череп, тут же погиб бы от неизвестной почти никому в Англии болезни. Любой, не знающий пароля, сгорел бы в адском огне при попытке открыть совместное творение Августуса Руквуда и Лорда. Но Малфой знал все необходимые слова, тщательно и четко проговаривая в нужной последовательности деактивирующие ловушки заклинания. Наконец, уступая его усилиям, замок щелкнул, открывая взглядам волшебников несколько свитков.

— Приступим... — Малфой перебросил два свитка из четырех товарищу, и волшебники углубились в чтение тех инструкций, которые оставил для возрождающегося ордена Упивающихся Вольдеморт.

<http://tl.rulate.ru/book/69499/1848517>